

АНАТОЛИЙ ЧЕРНИКОВ

Л. АНДРЕЕВ И К. ЦИОЛКОВСКИЙ: ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ В КАЛУЖСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

(К 100-летию со дня кончины Леонида Андреева)

Творческое наследие Л. Н. Андреева (1871–1919) занимает одно из видных мест в истории русской литературы. Мастер слова, художник-экспериментатор, Л. Андреев открыл в литературе особый мир – мир тревожных мыслей и настроений, мятежных страстей, мучительных поисков ответов на коренные, вечные вопросы, которые властно будоражили сердца и умы современников. Основные мотивы его творчества – мотивы несогласия, протеста против скоротечности человеческой жизни, довлеющих над человеком судьбы, рока, одиночества, напряжённые размышления о возможностях и границах человеческого интеллекта, о власти тёмных инстинктов в душах и поведении людей.

Эти проблемы и мотивы имеют в произведениях Л. Андреева сложную метафизическую природу, ибо нередко соединяют в себе героизм с фатализмом, оптимизм с пессимизмом, с иррациональным, вселенским, подчас inferнальным. После Достоевского Андреев – самая мятущаяся фигура отечественной и мировой литературы. “Каким-то одиноким, не укладывающимся в рамки определённых направлений и школ, живёт и работает Андреев”, – писал в 1912 году один из первых исследователей творчества писателя В. Брусянин. Но он же добавлял: “И, вместе с тем, нет такого издания <...>, которое не пожелало бы иметь Андреева в группе своих сотрудников” [1].

Многое из вышесказанного воплотилось в созданной Л. Андреевым в ноябре 1905 года пьесе “К звёздам”, которой он дебютировал как драматург. Революционные события 1905–1907 годов сильно взволновали писателя. Однако воспринимал он их по-своему. Ещё в январе 1902 года Андреев писал Горькому: “По натуре я не революционер, не люблю шума, драки, толпы и теряюсь в них <...>. Люблю в тишине думать, и в области мысли моей задачи мои, как они мне представляются, революционные” [2]. Революцию писатель понимал очень широко: как неустанное стремление человека к новому, неизведанному, как брожение духа и мысли. В самый разгар революционных событий Андреев сообщал А. Амфитеатрову: “Горький – Красное знамя, а я – Красный смех, нечто в политическом смысле никакого значения не имеющее. Правда, по существу моей литературной деятельности – я революционер, но это не то революционерство, которое требуется моментом” [3].

В свете этих взглядов и следует рассматривать проблематику и систему образов драмы “К звёздам”. В ней Андреев воспел научный подвиг как деяние революционное, показал романтику дерзаний человеческой мысли и воли, ведущих человечество по пути прогресса. Не случайно главным героем своего произведения он сделал астронома Сергея Николаевича Терновского, “звездочёта”, как не без иронии называют его окружающие.

В 70-е годы минувшего столетия, когда, по существу, и началось пристальное изучение творческого наследия Л. Андреева, некоторые литературоведы пытались провести параллели между образом Терновского и К. Э. Циолковским. Однако эти сопоставления были беглыми и непоследовательными. Не успев возникнуть, они тут же опровергались риторическим вопросом: а знал ли Андреев что-либо о Циолковском и о его трудах [4]? Внимательное изучение источников, в том числе архивных, позволяет ответить на это вопрос утвердительно.

Прежде всего, необходимо отметить связи Андреева с Калугой. Начались они опосредованно. Будучи в 1897 году помощником присяжного поверенного и одновременно сотрудником московской газеты “Курьер”, Андреев стал постоянным клиентом парикмахера Ивана Андреева, крестьянского сына Малоярославецкого уезда Калужской губернии, который однажды рассказал начинающему писателю, год назад опубликовавшему первый рассказ “Баргамот и Гараська”, о своей жизни ученика парикмахера. История жизни ребёнка, у которого было отнято детство, взволновала Андреева, и тот написал на эту тему проникновенный, согретый теплом авторской симпатии рассказ “Петька на даче” (1898). Много рассказывал Андрееву о Калуге писатель Борис Зайцев. Он, как и Андреев, родился в Орле. Но его подлинной малой родиной стал Калужский край, поскольку годовалым ребёнком будущий писатель был перевезён в село Усты Жиздринского уезда Калужской губернии, где его отец, горный инженер, получил должность управляющего рудной конторой одного из заводов знаменитого российского предпринимателя С. И. Мальцева. В Калужском крае и Калуге прошли детские и юношеские годы Б. Зайцева, о которых он с трепетным волнением будет вспоминать до конца дней. Здесь он окончил реальное училище и начал свои первые “пробы пера”. В 1901–1903 годах при содействии Л. Андреева в газете “Курьер” были опубликованы рассказы Зайцева “В дороге”, “Гора Угрюмая”, “Соседи” и некоторые другие, положившие начало его творческому пути. Зайцев мог рассказывать Андрееву и о Циолковском, которого не раз видел и о котором разделял мнение абсолютного большинства калужан как о человеке “не от мира сего”.

Наконец, Андрееву и самому удалось побывать в Калуге. В начале XX века в России получила распространение практика оказания материальной помощи студентам из бедных семей путём проведения благотворительных вечеров. Такое мероприятие было организовано в феврале 1903 года и в Калуге. Весь сбор от него пошёл на оплату обучения студентов-калужан в Юрьевском (Дерптском) университете. “Гвоздём” вечера стало выступление Л. Андреева, который прочёл калужской публике свои рассказы “Кусака” и “Набат”. Пока нет достоверных данных, встречался ли писатель в Калуге с Циолковским, но то, что он был знаком с некоторыми его трудами, сомнений не вызывает. Особенно заинтересовали Л. Андреева научно-фантастические повести Циолковского “На луне” (1893) и “Грёзы о Земле и небе...” (1899). Позже он с интересом прочёл в журнале “Научное обозрение” одну из основных работ учёного “Исследование мировых пространств реактивными приборами” (1903), первую часть которой основоположник космонавтики опубликовал в то время, когда Андреев обдумывал сюжет драмы “К звёздам”.

В процессе работы автора над пьесой образ её главного героя менял свою смысловую конфигурацию. В первом её варианте Терновский изображен учёным-отшельником, которого никто не понимает. Мещанское окружение считает его неисправимым чудачком и чёрствым эгоистом, равнодушным к делам и судьбам даже самых близких ему людей. Будучи в Калуге, Андреев мог слышать подобные суждения о Циолковском от многих жителей города. Да и сам Циолковский позже признавался в автобиографической повести “Фатум”: “На последний план я ставил благо семьи и близких. Всё для высокого” [5]. И в Боровске, и в Калуге Циолковский слыл человеком “не в себе”. Обыватели с опаской относились к его развлечениям. В Боровске Циолковский катался по льду реки Протвы на санях под парусом. Однажды запустил

воздушный шар с привязанными внизу горящими лучинами и чуть было не стал виновником пожара. Был убежденным трезвенником, а чай и кофе считал вредными для здоровья. Женился он не по любви. В день собственной свадьбы сразу же после венчания до позднего вечера работал в своей мастерской. Раздражали обывателей велосипед и слуховая труба Циолковского. В 1902 году старший сын Циолковского Игнат покончил жизнь самоубийством. Отца обвинили в том, что тот равнодушно отнёсся к этой трагедии и что сын в роковую минуту не получил от него должной поддержки.

Таким же одиноким, чёрствым чудакон и отшельником изображён и Терновский в первоначальном варианте андреевской пьесы, которая завершилась трагически: невежественная и злобная толпа убивает учёного [6].

В окончательном варианте произведения образ Терновского был автором существенно изменён. Драматург отказался от изображения многих бытовых деталей, присущих прототипу, и сосредоточил внимание на коренных, существенных основах личности персонажа. Терновский изображён и в кругу семьи, и среди коллег-астрономов, предстающих в разнообразии характеров. События пьесы разворачиваются вне времени, а действие происходит в неизвестной стране. Эта обобщённость, будучи одним из излюбленных приёмов писателя, к которому он прибегал на протяжении всего своего творчества, призвана подчеркнуть всеобщность, планетарность и значимость происходящего, вселенский характер научного прогресса, дел и помыслов учёного Терновского.

Из учеников и помощников Сергея Терновского наиболее выпукло охарактеризованы три астронома: европеец Поллак, русский Житов и еврей Лунц. Образ Поллака воссоздан в пьесе с известной долей авторской иронии. Сухой, педантичный, с бесцветным и плоским юмором, Поллак даже жене Терновского, с симпатией относящейся к людям, кажется похожим на астролябию. Типичность образа Поллака, учёного-схоласта, отметил в своё время А. Луначарский, считавший, что “Поллак – это путь к прогрессу комфорта”, к ницшеанскому “последнему человеку”.

Во многом близким Поллаку по своему отношению к жизни оказывается внешне непохожий на него увалень и эпикуреец Василий Житов. Бесстрастное, ленивое любопытство носит его по всему свету и позволяет везде оставаться созерцателем жизни. Характер и образ Житова довольно точно воплотился в тексте телеграммы, присланной им из Каира: “Сижу и смотрю на пирамиды”. По существу своему, эта фраза совпадает с жизненной формулой Поллака, заявившего: “Не вхожу в подробности”.

Бессилен постичь подлинное величие науки, как, впрочем, и сложность жизни в целом, третий помощник Терновского – Иосиф Лунц. Его, свидетеля погрома, мучают кошмарные видения: “Холодные, истерзанные трупы стоят над ним во время сна и спрашивают: “И ты будешь заниматься наукой, Лунц?” Лунц проклинает звёзды, которые ещё недавно изучал, отрекается от науки и призывает в судьи над людьми не Бога милосердия и любви, а бога мщения: “Боже отмщений, господи боже отмщений! Яви себя! Восстань. Судия земли, воздай возмездие гордым” [7].

Не менее разнообразна в пьесе галерея революционеров. Анна, дочь Терновского, и её муж Валентин Верховцев – “чернорабочие революции”, как они себя аттестуют. Их характеризует фанатичная преданность революционной борьбе и явная неприязнь к Терновскому. Они не понимают и не хотят понять и принять революционный характер научных устремлений учёного. Особенно яростно выступает против учёных, которые, по её словам, “науку делают предлогом, чтобы уклониться от общественных обязанностей” (с. 215), Анна. Свою неприязнь к этой героине автор вложил в ремарку: “Красива и суха. Одета не к лицу”. Под стать Анне и её муж. Грубоватый, насмешливый, самоуверенный Валентин Верховцев несколько напоминает тургеневского Базарова с его прямолинейным прагматизмом и максимализмом. Он не хочет понять теста и его науку, поскольку в ней, по его убеждению, нет немедленной пользы для людей. На вопрос, для чего существует астрономия, у него есть только один ответ: “Для календарей, должно быть”. И в этом ответе слышится вариация формул базаровской самоуверенной безапелляционности: “Рафаэль гроша медного не стоит” и “Порядочный химик в двадцать раз полезней всякого поэта”.

Чрезвычайно интересен образ Маруси, невесты старшего сына Терновских – Николая. “Какая девушка. Это – солнце! Это вихрь огненных сил! –

восхищается ею Лунц. “Ах, Марусяка! Молодец, ей-богу! Так и надо, так и надо. Вот, скажите, какая девушка!” – вторит Лунцу жена Терновского Инна Александровна. И действительно, в первых трёх актах пьесы Маруся предстает с пылающим нимбом героизма: отчаянно сражается на баррикаде, рискуя жизнью, готовит побег Николая. Это “вихрь огненных сил”, оптимизма, жажды победы. Но Маруся – это, по сути дела обратная сторона облика Анны. Там – сухая деловитость и прагматизм, без полета мысли и чувств. У Маруси – только восторг и юное упоение романтикой борьбы, без твёрдого основания. Маруся – отражённый свет личности Николая. Но вот закатилось её “солнце” – погиб Николай, и Маруся погасла, душевно сломалась. В крайнем отчаянии она излагает проект своего дальнейшего существования, звучащий как вызов оптимизму Терновского: “Я построю город и поселю в нём всех старых, всех убогих, калек, сумасшедших, слепых <...>. Там будут предатели и лжецы, и существа, подобные людям, но более ужасные, чем звери. И дома будут такие же, как жили: кривые, горбатые, слепые, изъязвлённые, дома-убийцы, предатели!.. Царём города я поставлю Иуду и назову город “К звёздам” (с. 239). Терновский с мудрым вздохом сожаления произносит в ответ: “Мне жаль тебя, Маруся. Бедная Маруся, мне жаль тебя”.

Вновь обрести себя, своё душевное здоровье Марусе помогают вниманием и заботой супруги Терновские и благоговейная память о погибшем женихе: “Как святыню сохраню то, что осталось от Николая, – его мысль, его чуткую любовь, его нежность. Пусть снова и снова убивают его во мне – высоко над землей понесу я его чистую, его непорочную душу” (с. 241). И, благословляя Марусю, старый учёный оценивает избранный ею путь как одну из форм благородного служения прогрессу: “Иди! Отдай ей (то есть жизни. – **Прим. авт.**) то, что взяла у неё же. Отдай солнцу его тепло. Ты погибнешь, <...> как гибнут, кому душой своей, безмерно счастливой, поддерживать вечный суждено огонь. Но в гибели своей ты обретёшь бессмертие. К звёздам!” (с. 241).

Во главе революционного движения стоит друг и помощник погибшего сына Терновского Трейч. Он душою осознаёт и принимает перспективные цели “звездочёта” Терновского, его предшественников и последователей, тех, “кто умер полтора года назад”, и тех, кто ещё не родился, но обязательно родится и продолжит “беспокойные искания сегодняшней мысли”. Трейч соединяет в себе героизм и трезвый расчёт, мечтательность и действенность. Его ключевой монолог в пьесе – это развёрнутая программа созидательного шестива прогресса, сколь бы ни было трудным это движение вперёд. “Земля – это воск в руках человека, – вдохновенно говорит Трейч, – надо мять, давить, творить новые формы. Но надо идти вперёд. Если встретится стена – её надо разрушить. Если встретится гора – её надо срыть. Если встретится пропасть – её надо перелететь. Если нет крыльев – их надо сделать! Если земля будет расступаться под ногами, нужно скрепить её железом. Если она начнёт распадаться на части, нужно слить её огнём” (с. 240).

Следует обратить внимание и на внесценический образ Николая Терновского. В отличие от своей сестры Анны, он прекрасно понимает важность научной деятельности отца. В черновом варианте пьесы Николай утверждал: “Чем больше будут изучены солнечные пятна, тем меньше останется пятен в социальной жизни”. Эта фраза, как и сам произнесший её герой, исчезли из окончательного варианта пьесы. Но смысл её остался и стал одним из основных подтекстовых лейтмотивов произведения. Андреев и в этом случае утверждает революционный смысл подлинной науки, отстаивает право и необходимость настоящих учёных даже в условиях острых социальных потрясений мыслить масштабными, вселенскими категориями, показывает непреходящую ценность научных решений и выводов и для будущих поколений людей, и для дня сегодняшнего.

Небезынтересен ещё один факт из истории создания этого произведения. Вначале Горький и Андреев хотели совместно написать пьесу, в которой предполагали показать, как далека творческая интеллигенция от народа, но после появления в январе 1905 года пьесы Горького “Дети солнца” Андреев создал свою пьесу, концепция которой отлична от концепции пьесы Горького. Горький критикует своего молодого биолога Протасова, устремлённого к вечным проблемам бытия и отвернувшегося от злободневных вопросов времени. Андреев, обратившись к созданию образа учёного, предложил

иную его интерпретацию. Революционер научных дерзаний, Сергей Николаевич Терновский, как и его прототип, убеждён в неразрывной связи человека с космосом. Он не раз вдохновенно говорит в пьесе о сопричастности человека жизни Вселенной, переключаясь и в этом с точкой зрения калужского гения, заявлявшего: “Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели”. Человек, убеждён Терновский, “господин над всеми этими сверкающими громадами”. Потому что только человеку по плечу разгадать тайны Вселенной, ибо он один владеет величайшим из сокровищ – разумом, мыслью, “могучей и свободной царицей пространств”.

Наука для Терновского – не сфера кабинетного покоя. Он знает, что путь её чреват трагедиями и катастрофами, и готов к ним. “Галилей умер в темнице, Джордано Бруно умер на костре. Путь к звёздам всегда был орошен кровью”, – заявляет он. Но уходить с этого пути не намерен. Ничто не может остановить дерзновения его мысли, устремлённой к тайнам космоса.

Фигура главного героя андеевской пьесы значительна уже тем, что образ учёного ещё только начал входить тогда в русскую литературу. Наиболее ярким оказался в то время образ старого профессора из повести А. П. Чехова “Скучная история”. Но чеховский персонаж приходит к печальному признанию итога своей жизни: он мало что сделал для людей. Итог Терновского – иной.

Характерна семантика его фамилии, основу которой составляет ключевое слово древнего выражения “Через тернии – к звёздам”, подчёркивающего трудность, но непреклонность избранного Терновским пути. И само название андеевского произведения, и фамилия главного героя его произведения представляют собою аллюзии на эту давно уже ставшую крылатой фразу.

Герой Андеева, как и его прототип, – человек масштабного интеллекта. Его волнуют не только проблемы освоения космических пространств. Он философски размышляет о глобальных проблемах бытия, прежде всего, о жизни и смерти. “Смерти нет, – убеждён Терновский. – разве умер Джордано Бруно?” (с. 241). Этот вопрос для него – риторический, не требующий ответа в силу своей онтологической очевидности. Дела человеческие, совершённые во благо прогресса и людей, бессмертны. А значит, неизбежна и память о таких людях.

В пьесе показана эволюция личности Терновского. Усваивая положительный опыт одних людей, отторгая негативное влияние других, он становится глубже, человечнее, духовно богаче. Терновский проникается искренним сочувствием к Марусе, начинает глубже понимать свою жену, доброго и преданного ему человека, стремится осознать суть нравственно-этических и психологических метаний своего младшего сына, восемнадцатилетнего Пети, одержимого страхом смерти. Если в начале пьесы Терновский, всецело погружённый в научные поиски, декларирует равнодушие к делам земным, называя их “суетными заботами”, то в момент, когда узнает о гибели Николая, он сбрасывает маску холодности и равнодушия. Терновский, не скрывая слёз, плачет о сыне, а прежде заявлял, что не может плакать из-за смерти одного человека, даже если это будет его сын. Мысль учёного всё чаще обращается к людям, к их страданиям, разуму, надеждам.

Отношения Терновского со своими детьми вновь приводят к аналогии с жизнью К. Э. Циолковского. Именно смерть сына Игната заставила Циолковского приняться за создание в 1903 году трактатов “Этика” и “Нирвана”. Эти труды представляют собою гимн жизни и человеку. “Мысль об отчаявшихся безнадежно людях, потерявших почву и желающих жить, <как сына>, заставили меня писать “Этику”, – записал в своём дневнике Циолковский [8]. Эта запись – ещё одно свидетельство сходства жизненных ситуаций и психологического облика двух учёных: жившего и работавшего в Калуге Циолковского и рождённого творческим воображением писателя С. Н. Терновского.

Пьеса завершается дополняющими друг друга репликами Терновского и Маруси. Терновский, простирая руки к небесам, восклицает: “Привет тебе, мой далекий, мой неизвестный друг!” А Маруся, протягивая руки к земле, добавляет: “Привет тебе, мой милый, мой страдающий брат!” (с. 241). Этот финальный аккорд символизирует величие целей и поступков людей, проникающих в тайны мироздания и в то же время чутких к делам земным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Брусянин В. Леонид Андреев. М., 1912. С. 65.
2. Литературное наследство. Т. 72. М., 1965. С. 128.
3. Там же. С. 518.
4. См.: Бабичева Ю. В. Драматургия Л. Н. Андреева эпохи первой русской революции. Вологда, 1971. С. 43; Залесский М. П. У истоков социалистического реализма: драматургия периода первой русской революции. М., 1974. С. 202.
5. Цит. по: Арлазоров М. Циолковский. М., 1962. С. 149.
6. А. М. Горький в письме от 26 октября 1903 года сообщал своему компаньону по руководству издательством "Знание" К. Пятницкому: "Леонид хочет изобразить человека, жившего жизнью всей Вселенной, среди нищенски серой обыденщины. За это его треснут в 4-м акте телескопом по башке". Архив А. М. Горького. Т. 4. М., 1954. С. 143.
7. Андреев Л. Н. Собр. соч. Т. 4. СПб, 1913. С. 226. Все дальнейшие цитаты из пьесы "К звездам" приводятся по этому изданию с указанием страниц.
8. Цит. по: Воробьев Б. Н. Циолковский. М., 1946. С. 178.